

УДК 008 24.00.01

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-32-41

Обзорная статья

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ:
АСПЕКТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(по материалам круглого стола XX симпозиума по психолингвистике)**

Пищальникова Вера Анатольевна

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

Автор характеризует основные направления психолингвистического исследования функциональной неграмотности с позиций теории речевой деятельности и обобщает наиболее значимые факторы, влияющие на формирование изучаемого феномена.

Мозг, обладая нейропластичностью, позволяет формировать ригидное поведение и бесконечно редуцировать клишированное знание, достаточное для бытийного существования. Властные структуры социума поддерживают актуализацию моделей поведения, основанных на присвоении такого знания. Кроме того, развитие современных технологий также способствует укреплению редупликации как доминирующего способа присвоения знания. Функциональная неграмотность укрепляется и под влиянием школьного образования, использующего тестирование как основную форму контроля знаний и навыков и внедряя в процесс образования учебники, построенные на способах наглядного восприятия содержания и не способствующие развитию форм абстрактного мышления. Отсюда возникает еще один серьезный фактор увеличения количества функционально безграмотных людей – несформированность внутреннего языка как совокупности автоматизированных навыков представления знания в формах родного языка. Перечисленные положения верифицируются экспериментально.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, нейрофизиологическая база, внутренний язык, онтогенез речи, речевое действие, цифровые технологии, понимание текста.

Введение

В рамках XX симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» – 2022 прошло заседание круглого стола по актуальной социально-культурной проблеме функциональной неграмотности. В его работе приняли участие известные психолингвисты страны И.А. Бубнова, Л.О. Бутакова Е.Н. Гуц, В.В. Красных, Е.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова, Н.И. Степыкин и др., рассмотревшие разные аспекты перспективного психолингвистического исследования проблемы с целью возможного формирования концепций и методик, противодействующих распространению функциональной неграмотности.

Под функциональной неграмотностью понимается неспособность человека, умеющего читать и писать, находить, анализировать и производить нужную в социальной, в том числе профессиональной, деятельности вербальную информацию. Такая неграмотность вызывает неосознаваемое и осознанное избегание любых

сложных, особенно интеллектуальных задач, что приводит к серьезным сбоям в функционировании современного социума, когда значительная часть общества успешно ориентируется только в ситуациях бытового общения. Любое отступление от ситуативно обусловленной коммуникации – необходимость проанализировать состав продукта по тексту на упаковке, понять инструкцию по применению лекарства, составить простое официальное заявление, например, в связи с нарушением потребительских прав, написать апелляцию и под. – вызывает затруднения и требование «дать образец». Это означает, что функционально неграмотные люди редуцируют известные действия, в том числе речевые, но не обладают навыками и умениями, нужными для выполнения разных типов интеллектуальной деятельности и сложных ментальных операций, особенно не алгоритмизированных. Это проявляется и психосоматически: чтение текстов, требующих внимания и осознания, вызывает не просто чувство дискомфорта, но и головные боли, боль в глазах, желание спать.

Функциональная неграмотность формируется под воздействием комплекса причин – от социально-культурных – до нейрофизиологических. Так, укреплению редупликации как частотной ментальной операции значительно способствуют ориентация только на количественные показатели при обучении чтению, цифровые технологии, формы контроля школьного образования, пропагандирующие и использующие клишированные операции с фрагментами «готового» знания (распространение простых культурных мемов), не предполагающими его анализа. Это приводит к радикальному изменению принципов естественного семиозиса, эволюционно ориентированного на вербальный знак принципиально неограниченной степени абстракции [Пищальникова 2018], [Пищальникова 2019], [Пищальникова 2021] и др. Последнее очевидно влияет на нейрофизиологию мозга современного человека, хотя «биологическая эволюция идет значительно медленнее, чем культурная. Состав и численные соотношения (частоты) мемов в “мемфонде” (культурной среде) популяции успевают измениться на протяжении жизни одного поколения, а генам для этого необходима череда сменяющихся поколений» [Марков 2013: 251].

Вместе с тем отмечено очевидное усиление влияния социально-культурных факторов на нейрофизиологию мозга: функциональная неграмотность растет, несмотря на то, что эволюционно мозг обладает нейропластичностью, означающей, что мозг (1) изменяет свою структуру с каждым действием, совершаемым человеком, преобразует свои функции, способен к непрерывному обучению и, следовательно, «самоизменению»; (2) любой участок коры головного мозга принципиально способен к обработке сигналов любой модальности, хотя существует известная функциональная специализация коры. Но одновременно нейропластичность приводит и к формированию ригидного поведения – нейрофизиологической основы укрепления операций редупликации. Таким образом, пластичность мозга, с одной стороны, позволяет человечеству почти безгранично эволюционировать, с другой – редуцировать фрагменты знания без их анализа (в силу малой энергетической затратности такой операции), практически упрощая мозговую деятельность и делая невозможным эффективное обеспечение общественных функций индивида ни в какой другой деятельности, кроме обиходной. Это глобальная тенденция, поддерживаемая технологиями цифровой коммуникации и рядом социальных процессов, в частности, внедрением и активным распространением новых ценностных ориентаций, направленных на отрицание любых требований социума к личности, любого психологического напряжения индивида.

Поэтому часть молодежи считает себя достаточно умными, самостоятельными и самодостаточными, а значит заслуживающими комфортного существования. Для таких людей, не ориентированных на осознанное приобретение знаний, которое требует психологических усилий, процесс любого обучения – бытового, школьного, вузовского – рутинная, ненужная, необязательная деятельность. А между тем, именно в детстве и юности воздействие внешней среды на формирование мозга является решающим. И для развития механизмов восприятия среды, которые позволяют индивиду развиваться, эволюция дала человеку длительное взросление: он рождается неспособным к физической и ментальной самостоятельности, но генетически индивид запрограммирован на почти бесконечное обучение. Для полноценного взросления ребенку необходима социальная среда, взаимоотношение с которой дает возможность получения собственного опыта. Существует, как известно, определенный порядок развития нейронных цепей и неодинаковая скорость формирования разных участков коры мозга в первые два года жизни. При этом распространено мнение, что критические периоды развития областей мозга заканчиваются до трех лет. Не используя эти закономерности, мы сами себя сдерживаем в развитии. У трехлетнего ребенка, по свидетельству нейрофизиологов, в мозге есть приблизительно триллион синаптических контактов, то есть каждый нейрон вступает в контакт с другим не менее 15 тысяч раз в секунду. Но у взрослого сохраняется только около половины таких связей, потому что остальные не используются. Природа дала человеку практически неисчислимые возможности, но нам комфортнее использовать достижения культуры не напрягаясь, редуцируя известное знание, присвоенное «готовым» способом, и сохраняя комфортный уровень бытового существования.

Такой выбор эволюции – не накапливать нейронные связи в процессе жизни, а изначально создать их избыток (когнитивный резерв) – загадочен только на первый взгляд. Индивид в этом случае полностью готов к любым жизненным обстоятельствам, он, если хотите, защищен эволюцией, потому что у него есть одновременно и возможность дезактивировать не используемые синаптические связи, и усилить те, что активно работают. Мозг дает команду на деградацию функций только тех нейронов, которые не получают и не посылают информации, поскольку поддерживать их жизнь эволюционно не имеет смысла. Если человек не напрягается, не учится, то естественна эволюционная плата – ранняя деменция и ее значительное количественное увеличение. Ответ эволюции прост и рационален: не нужен сложный мозг – получайте простой и живите в соответствии со своими новыми ценностями. А мозг – орган прагматичный, поэтому активизируются процессы раннего и быстрого истощения церебральных механизмов. К тому же экспериментально доказано, что мозг человека не может эффективно функционировать, если у него в раннем детстве не сформирована чисто человеческая способность к отложенному вознаграждению – важный механизм когнитивного контроля, позволяющего корректировать поведение в соответствии с целями и обстоятельствами. А если такого механизма нет, воспитать функционально грамотных людей невозможно.

Цифровые технологии оказывают серьезное воздействие и на характер памяти человека. Память не локализуется в каком-то «участке» нейронной сети, а «распределяется» по всей нейронной цепи, ответственной за определенную связь: «в мозге вся память записана в той же самой структуре межнейронных синаптических связей, которая одновременно является и грандиозным вычислительным устройством»;

«мы помним... теми же самыми нервными клетками» [Марков 2013: 88]. Иначе говоря, память – одна из когнитивных функций мышления, без которой невозможно полноценное осуществление и других функций. Кроме того, «память – это проторенные дороги в нейронных сетях. Это пути, по которым нервные импульсы проходят легче благодаря повышенной синаптической проводимости» [Марков 2013: 91]. Поэтому так вреден миф о том, что запоминание чего-либо отнимает место в мозгу у других важных сведений. Все с точностью до наоборот: запоминание – это новые синаптические связи. А значит, ранее не существовавшие возможности для нового запоминания: проходя с большой скоростью по нейронам цепи, ассоциации, вызванные тем или иным событием или знанием, физически закрепляются в коре. Следовательно, для образования памяти необходимо эти связи поддерживать постоянно.

Сейчас же цифровые технологии заставляют нас хранить получаемые сведения большей частью вне памяти. Это часто воспринимается как весьма положительный процесс, освобождающий человека от «лишних» сведений. Но дело в том, что, если часть информации хранится вне человеческой памяти, изменяется принцип ее устройства. Сознательно сокращая объем своей памяти, человек постепенно, но неуклонно сужает качество и количество сигналов, которые его мозг может обрабатывать. Изменение интенсивности синапсов непосредственно связано с характером кратковременной рабочей памяти – той, в которой содержится и обрабатывается информация, необходимая субъекту в данный момент. Эта память имеет сложную структуру, а центральной ее функцией является удержание внимания на информации, нужной для решения текущих задач; при этом сама эта информация может быть зафиксирована в синаптических связях, находящихся вне актуального поля рабочей памяти. От объема ее зависят интеллектуальные способности человека, а сам объем определяется «количеством идей, образов или концепций, с которыми исполнительный компонент рабочей памяти может работать одновременно» [Марков 2013: 67], и, по мнению исследователей [Read 2008], является ключом к пониманию человеческой уникальности.

Чтобы использовать как рабочую, так и долговременную память эффективно для решения сложных задач, необходимо постоянно тренировать работу нейронов, которые только в процессе постоянной работы, обучения физически отращивают новые окончания, приобретают новые связи, усиливают старые, но при этом могут и «втягивать» имеющиеся синаптические шипики, если возникшие связи не используются. Это было доказано в экспериментах, которые подтвердили «постоянные изменения соматосенсорной коры головного мозга в результате обучения сначала у обезьян, а затем и у человека» [Магрини 2019: 46]. Значит, качество долговременной памяти зависит от анатомических изменений, которые возникают только в процессе обучения. И значит, лишая себя огромного количества связей, встроенных в ассоциативно-вербальные сети, всеми силами «облегчая» свою память с помощью компьютерных устройств, мы сами ухудшаем и разрушаем ее. Отсюда проблематичной становится работа с большими, ассоциативно развернутыми текстами: люди не умеют вычленивать в них главное, не умеют пользоваться инструкциями и памятками и т.д. Это – проявление функциональной неграмотности как следствие сознательного отказа развивать, по сути, различные связи между нейронами как необходимый базис для памяти. Ведь надо понимать, что память должна обеспечивать не только бытийное существование индивида. Как показал Эрик Кандел, для возникновения памяти достаточно и трех нейронов, но памяти моллюска...

Многолетние наблюдения и результаты экспериментов (см. [Степыкин 2011], [Степыкин 2020] и др.) свидетельствуют о структурных изменениях речевого действия, о снижающемся уровне сформированности языковой компетентности студентов. Сопоставительный анализ ассоциативных полей стимула **ВЕЖЛИВЫЙ** разного времени фиксации (данные Русского ассоциативного словаря, эксперименты 2010 и 2020 гг.) позволил отметить значительное сокращение сочетаний S-стимул – R-реакция, репрезентирующих речевые действия полного цикла синтаксирования (соответственно 78%, 62%, 44%), что говорит об ослаблении соответствующих синтаксических связей между словами. Операция смыслового синтаксирования превращается в одну из определяющих при продуцировании речевых действий (соответственно 4%, 28%, 44%). В настоящее время по сравнению с данными РАС, более чем в четыре раза сократилось количество речевых действий полного цикла синтаксирования (15% vs 66%), что особенно явно обнаруживается в СМИ и интернет-коммуникации. Напротив, число синтаксических примитивов и ассоциатов формата ‘топик-коммент’ значительно увеличилось, что свидетельствует об изменении ментальной операции и деструкции механизма актуализации речевого действия.

Наглядно представлены результаты описанного изменения на *Рис. 1, Рис. 2*.

Отмеченные тенденции, как пишет И.А. Бубнова, усиливаются, поскольку, например, по данным Американской ассоциации педиатров 2013 г., каждый третий ребенок открывает мир через электронные устройства, начиная пользоваться ими еще до овладения речью [Бубнова 2022]; в мозге, по данным М.А. Зубрий, фиксируются изменения, характерные для ранней стадии деменции и наркомании [Зубрий URL]; не менее четверти представителей молодого поколения населения России, по О.Ю. Васильевой, не владеют навыками функционального чтения [Васильева 2018]. И.А. Бубнова считает, что только система образования способна изменить направление развития социума [Бубнова 2022]. Исследователь, анализируя учебник немецкого языка для младших школьников, отмечает, что логика обучения и задания в нем выстраиваются так, что определяющая роль в процессе овладения информацией отводится иллюстративной, рисуночной составляющей, которая часто противоречит вербальной.

И.А. Бубнова отмечает важный фактор, по ее мнению, «усугубляющий ситуацию и негативно воздействующий на всю сферу образования в нашей стране, – отсутствие четко сформулированных требований к качествам выпускника школы и вуза, общей структуре личности» [Бубнова 2022: 82], в частности, отсутствие мотива, определяющего тип формируемой личности, а любая цель, согласно теории речевой деятельности, реализуется только в общей системе деятельности (по А.Н. Леонтьев, «мотив – цель – действия»), когда мотив определяет цель деятельности.

Е.Ю. Мягкова вновь поднимает проблему становления и развития внутреннего метаязыка как основы функциональной грамотности. Исследователь говорит о важности метаязыкового сознания как совокупности «представлений об устройстве и правилах функционирования языка, выступающих в качестве опор (ориентиров) для построения и интерпретации высказывания» [Мягкова 2022]. Невозможно стать грамотным, т.е. понимать и продуцировать тексты, если такой язык не сформирован. Но его формирование определено становлением целого ряда сложнейших навыков и умений: четкое различие звуков речи, усвоение написания букв, выработка твердых двигательных навыков и др. [Лурия 1997]; усвоение сложнейших операций чтения, основанное на осознанной дифференциации букв, установление устойчивых

Рис. 1. Совокупность операций в структуре ассоциативного поля стимула **ИГРАТЬ** по данным РАС [Степыкин 2022]

Рис. 2. Совокупность операций в структуре ассоциативного поля стимула **ИГРАТЬ** по данным САЭ 2020 [Степыкин 2022]

ассоциативных связей между буквами и звуками, освоение буквенного состава слов, знание значения и понимание смысла слов, усвоение, понимание и установление корреляций между грамматическими структурами устной и письменной речи и др. Без освоения перечисленных операций нельзя научиться понимать слово и текст. Е.Ю. Мягкова акцентирует, что «все действия, составляющие собственно процессы чтения и письма, напрямую связаны со всем многообразием психических процессов, в частности, с мышлением, в свою очередь, тесно связанным с речевой деятельностью» [Мягкова 2022: 143]. По сути, только автоматическое владение всеми перечисленными операциями и сформированность названных когнитивных процессов создает основу для использования языка как инструмента «освоения, усвоения и присвоения

знаний» [Мягкова 2022: 144]. В противном случае формируются дефектные навыки, приводящие к возникновению функционально неграмотного индивида.

Но если разница между умеющими и не умеющими читать и писать очевидна, бесспорное диагностирование функциональной неграмотности вызывает затруднения, отмечает Т.В. Кружилина [Кружилина 2022]. По её мнению, внутренние причины следует искать в дошкольном детстве, в периоде наиболее активного развития высших психических функций ребенка. Исследователь делает попытку экспериментально установить доминантные причины, влияющие на формирование способности ребенка понимать текст и опосредующие становление метакогнитивной и метаязыковой деятельности в онтогенезе. Такими причинами называют роль доминирующей деятельности и объем общения с гаджетами [Кружилина 2014]: «В современной ... социально-экономической ситуации, характеризующейся всеобщей информатизацией, доминирующим видом деятельности стала пассивная виртуальная деятельность, погружающая детей в мир многоканального телевидения, многообразный игровой мир мобильных и компьютерных развлечений, разнонаправленные социальные сети. Современный ребенок находится в информационной “матрице” практически с рождения» [Кружилина 2022: 169].

В эксперименте исследовался также вопрос о взаимосвязи между условиями, в которых ребенок находится в семье, и уровнем сформированности речевой функции / способностью понимать текст.

Т.В. Кружилиной установлено снижение способности к построению когнитивной структуры высказывания. Это, по мнению исследователя, связано со «снижением способности ментального проектирования и нарушением воображения, т.е. снижением интеллектуального потенциала современных детей» [Кружилина 2022: 173]. Вместе с тем, отмечена тенденция к улучшению показателей при увеличении возраста испытуемых, что объясняется как увеличением опыта, так и воспитательно-образовательным процессом вообще. Естествен и еще один вывод: дети, испытывающие целенаправленное педагогическое воздействие, показывают лучшие результаты понимания независимо от возможности доступа (в свободное от занятий время) к гаджетам и телевидению.

Л.О. Бутакова обосновывает возможности диагностирования качества работы речевых механизмов, состояния речевой компетенции, уровня языковой способности с помощью письменной речи школьников [Бутакова 2022]. Исследователь предполагает, что если возрастной уровень языковой способности и качество речевой компетенции соответствует уровню сформированности речевых операций, то «преодоление внешнего характера мотива и дальнейшее смысловое, семантическое, коммуникативное, грамматическое построение связного текста должно проходить в незатрудненном режиме, поскольку в ходе развертывания «внешняя» мотивация быстро сменяется «внутренней» работой по актуализации смысла» [Бутакова 2022: 180].

Л.О. Бутакова анализирует тексты сочинений 2005–2021 гг. школьников 5–9-х классов на свободные темы с целью выявить характер реализации механизмов письменной речи, характер выражения текстовых категорий, выбор коммуникативных моделей и когнитивных единиц.

Для анализа текстов избраны следующие параметры: объем текстов в словах и предложениях, характеристика структуры, способ реализации механизмов связной речи на уровне текстовых категорий (связности, цельности, информативности,

модальности и т.п.), доминантный смысл, уровень сформированности дискурсивных механизмов и др.

Исследователь выделяет несколько характеристик, на основании которых можно судить о сформированности / несформированности речевых механизмов: 1) средний или небольшой объем, простая структура, соответствующая постановке темы и ситуации урока; 2) отсутствие значительных изменений структуры в текстах 2015–2021 гг. на фоне заметного уменьшения объема и упрощения содержания с 2000-х гг.; 3) в разных возрастных группах (с 6 по 9 кл.) происходят типовые изменения формальных и содержательных параметров текста, связанных с возрастной когнитивной, речевой эволюцией и активной подготовкой к ОГЭ; 4) пик заданной тенденции развития достигается к 11 классу. В области коммуникативного и когнитивного аспектов текста отмечены формирование маловариативного набора коммуникативных и когнитивных моделей; влияние стереотипов учебного дискурса на употребление рамочных средств жанра сочинения; невостребованность или малая востребованность содержательно-фактуальной информации; реализация ее, как правило, с опорой на собственный опыт; отсутствие подтекстовой информации.

Л.О. Бутакова оптимистически заключает, что пока «письменные работы современных школьников не дают основания говорить о полной сформированности» функциональной неграмотности, но вместе с тем, обращает внимание на очевидную бедность тематического, семантического, лексического состава текстов.

Исследование функциональной неграмотности с психолингвистических позиций требует дальнейшего углубления в проблематику, проведения взаимоверифицирующих экспериментов и детального их осмысления, но уже сейчас намечены некоторые перспективные направления изучения этого феномена.

© Пищальникова В.А., 2022

Литература

Бубнова И.А. Социально-психологические аспекты проблемы функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р.Валент», 2022. С. 72–94.

Бутакова Л.О. Письменная речь школьников: дрейф в сторону функциональной неграмотности? // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р.Валент», 2022. С. 180–216.

Васильева О.Ю. Четверть россиян не владеют функциональным чтением. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5413075?ysclid=l5xqkm0tbs144159985>. Дата обращения: 23.07.2022.

Зубрий М.А. Цифровое слабоумие и информационная псевдодебилность. URL: <https://www.psyoffice.ru/18-111008.htm>. Дата обращения: 01.06.2022.

Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учётом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь. 2014. 24 с.

Кружилина Т.В. Метаязыковая способность в онтогенезе в контексте функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р.Валент», 2022. С. 155–179.

Лурия А.Р. Психологическое содержание процесса письма // Хрестоматия по логопедии (извлечения и тексты) / Под ред. Л.С. Волковой и В.И. Селиверстовой. М.: Гуманитарный исследовательский центр ВЛАДОС, 1997. С. 326–333.

Магрини М. Мозг. Инструкция пользователя. М.: ООО «Издательство АСТ», 2019. 288 с.

Марков А.В. Эволюция человека II. Обезьяны, нейроны и душа. М.: АСТ: Corpus, 2013. 512 с.

Мяжкова Е.Ю. Путь к функциональной грамотности: внутренний метаязык, его специфика, функции и связь с навыками беглого чтения // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р. Валент», 2022. С. 129–138.

Степыкин Н.И. Моделирование речевого действия как средство диагностики функциональной неграмотности (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р. Валент», 2022. С. 52–72.

Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13 (807). С. 192–202.

Пищальникова В.А. Amabilis insania, или Трансформация знакообразования в массмедиа // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 2. С. 124–130.

Пищальникова В.А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 36–45.

Пищальникова В.А. Нейрофизиологические основания функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р. Валент», 2022. С. 5–52.

Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

Степыкин Н.И. Ассоциативное поле вежливый: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // Science for Education Today. 2020. № 2. С. 151–166.

Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: «Р.Валент», 2022. 234 с.

Read D.W. Working Memory: A Cognitive Limit to Non-Human Primate Recursive Thinking Prior to Hominid Evolution // Evolutionary Psychology. V 6.

Сведения об авторе:

Пищальникова Вера Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ

Контактная информация:

119034, Москва, Остоженка, д. 38

ORCID: 000-0002-0992-0466

email: pishchalnikova@mail.ru

Для цитирования:

Пищальникова В.А. Функциональная неграмотность: аспекты психолингвистического исследования (по материалам круглого стола XX симпозиума по психолингвистике) // Вопросы психолингвистики № 3(53) 2022, С. 32–41, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-32-41

UDC 008 24.00.01

LBC 81.006

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-32-41

Review article

**FUNCTIONAL ILLITERACY:
ASPECTS OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
(based on the materials of discussions at XX Psycholinguistics Symposium)**

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Abstract

The author describes the priorities in the psycholinguistic research of functional illiteracy from the standpoint of speech activity theory and summarizes the most significant factors influencing the phenomenon formation.

Possessing neuroplasticity, the brain allows formation of rigid behavior and infinite reduplication of clichéd knowledge sufficient for everyday existence. The ruling establishment supports the actualization of behavior patterns based on the appropriation of such knowledge. In addition, modern technologies also contribute to the strengthening of reduplication as the dominant way of appropriating knowledge. Functional illiteracy is also strengthened under the influence of school education that uses testing as the main form of knowledge and skills control and introduces textbooks built on methods of visual content perception, which does not contribute to the development of abstract thinking forms. Hence, another serious factor backing up the increase in the number of functionally illiterate people arises, i.e., the internal language, a set of automated skills to represent knowledge in the forms of the native language, remains immature. These provisions are verified experimentally.

Key words: functional illiteracy, neurophysiological base, internal language, ontogenesis of speech, speech action, digital technologies, understanding the text

© Pishchalnikova V.A., 2022

Bionotes:

Vera A. Pishchalnikova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Chair of General and Comparative Linguistics Department, Moscow State Linguistic University.

Contact information:

Ul. Ostozhenka, 38, c. 1, Moscow, 119034

ORCID: 000-0002-0992-0466

email: pishchalnikova@mail.ru

For citation:

Pishchalnikova V.A. (2022) Functional illiteracy: Aspects of psycholinguistic research (based on the materials of discussions at XX Psycholinguistics Symposium). *Journal of Psycholinguistics*. 3(53) 2022, P. 32–41 Available from doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-32-41 (in Russian)